

ВАНДАЛЫ КОНЦА XX ВЕКА

В советское время Абхазия являлась коммунистической колонией унитарной Грузии. Колониальный режим тбилисской метрополии в Абхазии отличался от аналогичных форм тоталитарных структур тем, что здесь колониальное усилие было направлено исключительно против этнических абхазов. В 30-ые годы XX века в Абхазии была расстреляна наиболее сознательная и образованная часть абхазского народа, абхазский алфавит был заменен грузинским, абхазские школы были переведены на грузинские и было строго запрещено преподавание абхазской истории в школах. Была тотально огрузинена вся абхазская топонимика. История Абхазии была извращена и приписана к истории Грузии. Абхазские фамилии и имена подверглись сплошной грузинизации. Самое главное – в Абхазию было организовано переселено (посредством специально для этих целей созданного треста «Абхазпереселенстрой») огромное количество грузин, в основном с внутренних и западных районов Грузии. Когда вся советская страна из последних сил боролась с фашизмом и все свои ресурсы отдавала фронту, в Абхазии шла грузинская колонизация. Переселенцам из Грузии строились дома и создавались комфортные, по тем временам, условия для жизни. Колонизация уже в других менее явных формах продолжалась вплоть до 1992 года. Колониальные власти сделали всё для ассимиляции абхазов, которые - в результате у себя на родине оказались в явном меньшинстве. К 80-ым года XX века абхазы составляли 17 процентов от общего населения страны.

Апогеем всей колониальной идеологии Грузии в Абхазии стала захватническая война грузин против абхазов 1992–1993 годов. У этой войны тоже была своя специфика. Дело в том, что из-за планомерного демографического освоения Абхазии со стороны Грузии к началу войны на территории Абхазии почти во всех населенных пунктах, количество грузин соответствовало остальному населению – абхазов, армян, русских, греков, евреев и других, вместе взятых. Грузинская диаспора в Абхазии, как «Пятая колонна», на основе интенсивной нацистской пропаганды (кто добровольно, а кто и принудительно) берет оружие и принимает участие в войне, поддерживая тбилисские оккупационные войска. Эти квислинги воевали против своих соседей, знакомых, сослуживцев-сограждан и т.д. Таким образом, в Абхазии, в течение 14 месяцев, происходила соседодобийственная гражданская война. Показателем жестокости и бесчеловечности поведения грузинских оккупационных войск в этой войне свидетельствуют слова главнокомандующего грузинской армии Георгия Каркарашвили, о том, что он готов не пожалеть жизни ста тысяч грузин для поголовного уничтожения всех абхазов...

Война есть война. Она никогда не обходится без жестокости, несправедливости и тем более без преступлений. Но, в этой войне произошло одно *событие, которое не имело аналогии в истории всех войн всех времен.* По инициативе тбилисских ученых, оккупационное

грузинское военное и гражданское руководство в Сухуме, безо всякой военной необходимости, далеко от линии фронта, в центре оккупированного города, совершило беспрецедентное варварское преступление... 22 октября 1992 года, в четыре часа, дня грузинские солдаты одновременно подожгли в оккупированном Сухуме два здания – Абхазского Государственного Архива и Абхазского Института Гуманитарных Исследований. В течение нескольких суток оба здания были сожжены дотла!!! Так как это преступление не имеет прецедента в истории человечества, хочется более подробно поведать читателю о том, как это произошло.

Имеются свидетели, видевшие, как представители грузинского оккупационного руководства заблаговременно до 22 октября занесли канистры с горючим в здания Госархива, Гостеатра, Госмузея и Абхазского института, для их поджога в дальнейшем.

Однако здания Государственного театра и Государственного музея были спасены по настоянию двух грузин. Один из них – актер по фамилии Джаяни уверил поджигателей, что нет необходимости в поджоге здания театра, так как абхазская труппа убежала в Гудауту, в театре остались одни грузины, и что, мол, абхазы уже никогда не вернуться обратно и т.д. и т.п. А здание музея спасло то обстоятельство, что оно стояло в притык с жилым многоквартирным домом, в котором жил некий грузин по фамилии Ахалая, который также как и Джаяни имел влияние на руководителей оккупационного режима. Ахалая сумел доказать поджигателям, что если поджечь здание музея то обязательно сгорит и дом в котором он живет. Теперь о самом поджоге...

После двух месяцев оккупации города Сухум войсками Госсовета Грузии, 22 октября 1992 году вокруг здания Госархива и Института появились вооруженные солдаты, высшие офицеры и гражданские чиновники. По одновременной команде солдаты вошли в эти два здания и подожгли их. Когда дым поднялся, и появилось пламя, народ начал подходить к горевшим объектам и начал выражать свое возмущение. Дошло до того, что солдаты открыли стрельбу, чтобы разогнать возмущенных людей. Например, у здания Института они ранили сотрудника музея (археолога) Шенкао Николая. Таким образом, они всех разогнали.

Что же касается здания Госархива, то оно было потушено жителями соседних кварталов. Узнав об этом, грузинское командование вернуло к месту поджога своих солдат, которые, как и в случае с Институтом, также разогнали всех, выстрелами из автоматов. На пепелище Госархива специально приставленные солдаты длинными железными баграми ворошили золу, чтобы не остался ни один лист архивного материала. Грузинские военные выполнили поставленную своим руководством позорную задачу – за несколько суток, в оккупированном Сухуме, в глубоком тылу, вдали от линии фронта, было сожжено два здания общечеловеческого значения!!!

Кстати, хочу отметить, что накануне сожжения этих зданий я был в Сухуме и сумел тайком проникнуть внутрь здания Института. Картина была такова: все двери были выломаны, а книжные ряды были обстреляны. По полу были рассыпаны пустые гильзы. Здесь же на полу валялись пустые бутылки портвейна. Видимо вандалы отпраздновали реализацию плана своего варварского мероприятия. Как только я сумел перейти реку Гумысту, по которой тогда проходила линия фронта, об этом написал и опубликовал в местной абхазской газете.

Что же касается информации об этом преступлении, то здесь все извращено грузинской пропагандой. Тбилисская идеологическая машина как она это умеет, оперативно и цинично оповестила мир, о том, что эти научные учреждения были сожжены абхазами!!! Через два дня после этого варварского преступления, на заседании Парламента Грузии, где присутствовал Шеварднадзе и зарубежные гости, профессор Алексидзе сообщил аудитории о том, что «абхазы дошли до такого умопомрачения, что они не только играют футбол отрубленными головами грузин, но даже сжигают свои собственные научные учреждения, для того чтобы обвинить в этом грузин»!!! Он тут же добавил: «Слава Богу, что мы об этом вандализме абхазов своевременно сообщили научным центрам мира, в том числе и ЮНЕСКО».

Во-первых, как они успели об этом сообщить миру на третий день после поджога в Сухуме, тогда когда эти учреждения горели еще три дня, особенно Госархив.

Во-вторых, как могли абхазы сжечь свои научные объекты в Сухуме, тогда когда там (кроме нескольких коллаборационистов прислуживавших оккупантам) ни один абхаз не мог свободно передвигаться по улицам города, где все и вся проверялось и контролировалось оккупационными войсками. Это еще ничего. Один грузинский писатель (пишущий на русском языке) который жил в Москве и работал в то время редактором журнала «Дружба народов» распространил такую небылицу мол «абхазы сожгли свои научные учреждения из-за того, что там хранились документы, которые доказывали, что абхазы произошли от грузин». Сложно определить, что циничнее подобные высказывания или сам факт сожжения научных учреждений!!!

К сожалению, так получилось, что об этом варварском преступлении мало кто знает, за пределами Абхазии. Вообще люди категорически отказываются верить в подобное. Здесь, безусловно, основную роль сыграла ложь, которую в глобальном масштабе распространяют грузины об абхазах. Доказательство этому – случай произошедший со мной в 2002 году на секции «Сепаратизм и федерализм» Института этнологии Академии Наук Российской Федерации, куда я был приглашен. Когда пришла моя очередь выступить с докладом, я сказал, что представляю институт, который был сожжен грузинскими оккупантами во время войны 22 октября 1992 году. Многие из присутствующих мои слова восприняли как незаслуженное оскорбление грузинской нации. По просьбе самого

директора Института В. Тишкова, один солидный ученый меня пристыдил, произнося такие слова – «Вы абхазы, думаете, что вам поверят, когда распространяете такие небылицы. Мы то знаем, что грузины не сжигают научные объекты» и т.д. Я оказался в нелепом положении. И тут же спросил бывшего сотрудника нашего института (грузина по национальности), к тому времени работавшего в Институте этнологии Г.П. Лежава «Георгий Платонович, неужели и Вы тоже думаете, что я вру, вы же там работали, когда институт был сожжен?» Он ответил: «Вы правы Ермолай, я тоже об этом говорю, но и мне не верят». Как быть в таком случае? Тотальный обман вплоть до ЮНЕСКО сделало свое дело. Совершено *преступление не имеющее аналогов в мировой истории*, разве что поджог Геростратом в 356 году до н.э. храма Артемиды в Эфесе можно поставить в один ряд с действиями грузинских оккупантов!

А какой непоправимый урон нанесен абхазскому народу? Превращены в пепел и потеряны навсегда миллионы страниц уникальных, не имеющих дубликатов историко-информационных документов, относящихся, по крайней мере, с периода присоединения Абхазии к России (1810 г.) до конца 70-х годов XX века. Эти документы охватывали все стороны жизни Абхазии. Там в архиве были сосредоточены уникальные материалы, касающиеся не только Абхазии, но и Северного Кавказа, самой Грузии, России, Турции и т.д. От этого акта вандализма пострадали не только историки-исследователи, но и все граждане Абхазии, которым приходилось освидетельствовать какой-либо факт из своей жизни. Если иметь в виду ученых, то они вообще лишились возможности пользоваться архивными материалами, и это настоящая катастрофа для них.

Перед войной я занимался исследованием истории христианства Абхазии, и мне неоднократно приходилось работать в Государственном архиве Абхазии. Помню там, несколько больших комнат до потолка были забиты огромным количеством материалов, и это только лишь по истории религии. А остальных источников сколько было? В здании Абхазского Института тоже было сосредоточено не мало материалов полевых экспедиций: этнографов, историков, археологов, особенно не изданных монографий, а также статей, сборников отчетов и т.д. Меня возмущает спокойное отношение к этому событию многих ученых, которые работали в самом институте, и отсутствие адекватной реакции со стороны интеллигенции. По-видимому, они не до конца осознали всю тяжесть и невосполнимость последствия этого преступления. Ведь сегодня, мы *абхазы – единственный народ в мире, который остался без архива*. К сожалению, до сегодняшнего дня не проведено расследование данного чудовищного преступления, и мало того ни кто из наших ученых (особенно бывших работников Института) не написал ни одну специальную статью об этом! Спасибо западному ученому Томасу де Ваалу который, приехал в Абхазию, чтобы встретиться с бывшим директором Государственного архива Абхазии Николаем Иониди. По

результатам своей встречи он написал и опубликовал статью под заглавием «Архив Абхазии: огонь войны, пепел истории».

После деокупации Сухума, я много раз приходил к сожженным объектам и со слезами на глазах смотрел на пепелище моей родной истории. И мучительно думал, как поведать миру об этом ужасном преступлении. Есть известная картина художника Верещагина

«Апофеоз войны», в которой изображен остроконечный холм из человеческих черепов. По аналогии с этой картиной, в одном из подвальных отсеков сожженного Госархива в центре помещения я соорудил пепельную пирамиду и привел туда фотографа (сотрудника МВД) и мы сняли несколько кадров вместе с сотрудниками Госархива. К сожалению, негативы этих снимков до сих пор я не смог получить. Одна фотография у меня все-таки осталась. Автора этого снимка я не помню. Пепел архива я засыпал в маленькие целлофановые мешки, и с надписью на абхазском, русском и английском языках – «Пепел сожженного абхазского архива грузинскими вандалами» я распространил по разным музеям. Через Паула Гарб и Марджери Фаррар часть из них я отправил в США. О сожжении этих научных объектов я писал статьи в разных газетах, с заглавиями: «Вандализм», «Хатынь абхазской науки», «Шовинизм или Вандализм», «О геноциде абхазской науки», и в статье «Признание Абхазии и международное право» (Курск 2008 г.) и т.д. Об этом я написал и в своей книге «Абхазская реконкиста и международное право». Моя научная статья об этом, с заглавием «Об одном аспекте информационной блокады» была опубликована, на русском и английском языке в сборнике международного семинара (организованном В.Ш. Хагба).

Я не знаю, кто и как воспринял это событие, но меня как абхаза до глубины души возмутило это злодеяние. Все время я всем говорил и неоднократно писал о том, что необходимо Генеральной Прокуратуре Республики Абхазия завести уголовное дело и провести доскональное расследование по факту данного преступления. К сожалению, наша интеллигенция не отреагировала на мои слова и статьи. В 2006 году я обратился с исковым заявлением к Генеральному Прокуратору Республики Абхазия. Текст моего заявления был обоснован международно-правовыми

документами. В частности я писал: *«Глобальное информационное общество – основа нынешней цивилизации. Доступ к информации является общечеловеческим достоянием, без которого невозможны и немислимы развитие: науки, политики, образования, права, производства и т.д. Поэтому, ныне фундаментом прогресса считаются информационная и коммуникационные технологии (ИТК). К тому же – главная программа ЮНЕСКО – «Информация для всех», Окинавская хартия и другие международные документы говорят, что доступ к информации является основой основ прав человека. Однако мы ученые-гуманитарии Абхазии оказались лишенными возможности пользоваться архивной информацией истории, культуры, и быта своей страны, из-за того, что наш национальный архив был целенаправленно сожжен врагами в 1992 году. И именно, мы абхазские ученые-гуманитарии, как никто другой каждый день мучительно ощущаем отсутствие ни чем невозполнимых архивных материалов, в которых содержалась всесторонняя информация по истории и недавнему прошлому нашего народа...»*. После моего письма было возобновлено расследование данного уголовного преступления. Однако через некоторое время расследование было приостановлено!? После Цхинвалских событий 2008 года я снова обратился в Генпрокуратуру страны, чтобы она обратилась за помощью к прокуратуре Российской Федерации для оказания помощи по розыску, выявлению и наказанию участников данных поджогов. Но, увы, до сих пор дело не сдвинулось с места! Хотя, как мне известно, между Прокуратурами Республики Абхазия и Российской Федерации заключен договор о возможности совместных расследований особо тяжких преступлений. Считаю, что совместное российско-абхазское расследование данного преступления принесло бы пользу и Российской Федерации, ибо, грузины сегодня по всему миру трубят мол «Русские признали Абхазию, чтобы ее поработить...» и т.д. А вердикт данного суда показал бы всему миру настоящее лицо Грузии. А это в свою очередь ускорило бы признание Абхазии международным сообществом, особенно Организацией Объединенных Наций. Дело в том, что именно там в ООН – очень мало официальной информации о событиях в Абхазии. Это происходит потому, что глобальная лживая информационная индустрия Грузии, пока, что доминирует в мировом информационном пространстве. Я уже не говорю о том, что в этом отношении Абхазия пока что ничего не делает. Тут же вскользь хочу подчеркнуть и то, что *информационная безопасность для страны даже более важна, чем экономическая или иная составляющая безопасности государства*.

Думаю, что нашей интеллектуальной элите и особенно нашему Правительству необходимо осознать степень тяжести данного преступления для нашего народа и государства. И главное – необходимо непременно осудить (желательно международным судом) данное преступление. К тому же срок давности не может быть здесь помехой, так как совершено преступление общечеловеческого характера. Словом,

вызывает недоумение, то, что это преступление до сих пор не осуждено! Что же получается, если человек сжег курятник, получает срок, а здесь сожжены Государственный архив и Научно-исследовательский институт. Так, что в любом случае, по моему глубокому убеждению, необходимо уголовное расследование по факту данных преступлений.

В заключение еще раз хочу обратиться к читателю, чтобы он осмыслил, что же на самом деле произошло в октябре 1992 года в оккупированном Сухуме. Это то, что *совместным осмысленным решением ученых-историков и официальных руководящих кругов Грузии, среди белого дня одновременно поджигают и превращают в пепел архив целого народа*. Спрашивается, допустимо ли такое преступление даже в мыслях? Чувствую, что у неосведомленного читателя возникает вопрос: могло ли на самом деле произойти такое? Стало быть, необходимо самым тщательным образом провести расследование данного преступления. Если все это подтвердится, естественно, что у многих вершителей судеб международного сообщества откроются глаза, и они увидят правду о грузино-абхазских отношениях. Кроме того, учитывая беспрецедентность и уникальность данного преступления, *22 октября следует объявить Днем геноцида науки Абхазии*, а в Сухуме по набережной, где стоял сожженный институт открыть памятную «Аллею геноцида науки», с соответствующим мемориальным памятником. И самое главное, решением международного суда обязать Грузию, чтобы все архивные материалы из Абхазии, хранящиеся в Тбилиси, Кутаиси, Гелати и других городах передать Абхазии. Тем самым, в какой-то степени воссоздать национальный архив страны.

Е.К. Аджинджал, сотрудник отдела истории
сожженного Абхазского Института Гуманитарных
Исследований Академии Наук Абхазии